

Гершгорин Э. С., Стукова Н. М.

**ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ "КУЛЬТУРНОГО ШОКА" В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ
МИНОРИТАРНЫХ ЭТНОСОВ (НА ПРИМЕРЕ ШОРСКОГО)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/2/53.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 2 (2). С. 122-124. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ными обязательствами» и освобождение от груза социальной идеи, в конечном счете, оборачивается против самого сообщества, лишая его важнейшего из источников вдохновения [Панарин 2003: 35].

Как преодолеть сложившуюся в обществе амбивалентность между представителями дорыночной и рыночной культур? Изменения в культуре и, как следствие, изменения в сознании - необходимая часть реформы социальных институтов. Но это процесс длительный: сфера культуры инертна, меняется гораздо медленнее, чем любая другая область. Элементы прежней культуры будут проявляться еще долго после кончины старых институтов. России потребуется несколько десятилетий для преодоления посткоммунистической травмы. Неизбежная смена поколений закончит демократическое реформирование общества.

Список использованной литературы

- Панарин А. С.** Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6 – С. 35.
Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1 – С. 10.
Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: 1996. – С. 128.
Устюгова Е. Н. Глобализация и культура: исторический аспект // Философские науки. 2005. № 12 – С. 55.

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ «КУЛЬТУРНОГО ШОКА» В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МИНОРИТАРНЫХ ЭТНОСОВ (НА ПРИМЕРЕ ШОРСКОГО)

*Геризгорин Э. С., Стукова Н. М.
Сибирский государственный индустриальный университет*

Понятие «культурного шока» ввел в научный обиход американский антрополог Ф. Боас. Данное понятие используется в значении «шок от нового; состояние, испытываемое человеком при контакте с чужеродной культурой» [Кочетков 2002: 48]. К. Оберг указывает на наличие различных аспектов «культурного шока» (напряжение, чувство потери или лишения, чувство отверженности, сбой в ролях, ролевых ожиданиях и ценностях, неожиданная тревога, даже отвращение, чувство неполноценности) [Там же : 49]. Сам автор рассматривал культурный шок как клиническое явление, хотя в дальнейшем ученые стали определять его как нормальную реакцию, как часть обычного процесса адаптации к новому окружению. Явление культурного шока дополняется понятием «U-образной кривой» в ходе адаптации к новой культуре. В этом процессе выделяются три этапа: энтузиазма и приподнятого настроения; фрустрации, депривации и чувства замешательства; последующего чувства уверенности и удовлетворенности [Крысько 2001: 198].

Обычно понятие «культурного шока» применяется для анализа процессов адаптации мигрантов в иноэтнической среде другой страны. На наш взгляд, однако, данное понятие продуктивно и для исследования процессов адаптации представителей коренных миноритарных этносов в современных российских социально-экономических условиях.

Многие современные общества, в том числе и современное российское, становятся культурно многоукладными в результате многочисленных миграционных процессов. В таких социумах могут сосуществовать различные виды социокультурных групп, многообразие которых, как отмечает Г. У. Солдатова, вызвано тремя основными факторами: добровольностью, мобильностью и постоянностью. Проживая на одной территории в тесном соседстве, различные этнические группы вступают в разнообразные взаимодействия, иницирующие процессы аккультурации – изменения в первоначальных культурных характеристиках одной или обеих взаимодействующих групп [Солдатова]. Хотя аккультурация теоретически может идти как в одной, так и в другой группе, на практике эти изменения в большей степени касаются лишь одной из них (группы аккультурации) [Там же]. Часть групп вступает в процесс аккультурации добровольно, в то время как другие участвуют в нем по необходимости, как, например, коренные миноритарные этносы, вынужденные контактировать со значительно превосходящим их по численности пришлым иноэтническим населением.

В любом культурно многоукладном обществе, социокультурные группы и их отдельные представители (как в доминирующей, так и в недоминирующей позиции) должны решать проблему адаптации к новой ситуации. В ежедневных столкновениях друг с другом, этнические группы и отдельные индивиды вырабатывают свои стратегии поведения, действуя в соответствии с двумя главными проблемами: сохранение своей культуры, с одной стороны, и контакт и участие с доминирующей этнической культурой – с другой. Это означает, что этносы должны, во-первых, решать, насколько важна для них культурная самобытность и желание народа сохранить ее, а во-вторых, в какой степени они могут интегрироваться другими социокультурными и этническими группами. Г. У. Солдатова выделяет четыре стратегии аккультурации в зависимости от того, какая из этих задач является более актуальной для данного этноса, а также от того, в какой позиции (доминирующей или нет) находится этническая группа: ассимиляция; отделение; интеграция и маргинализация.

Стратегия ассимиляции характерна для недоминирующих групп, члены которых не стремятся сохранить культурное своеобразие и ежедневно ищут взаимодействия с другими культурами.

Стратегия отделения предполагает, что индивиды пытаются сохранить свою исконную культуру, и, в то же время, пытаются избежать влияния других культур.

Стратегия интеграции свойственна тем этническим группам, которые желают не только сохранить культурную самобытность, но и хотят непрерывно взаимодействовать с другими группами. В этом случае не только сохраняется определенная культурная целостность, но и проявляется стремление участвовать на правах интегрального члена в более широкой социальной сети.

Стратегия маргинализации типична для тех ситуаций, когда интерес либо возможность сохранения культуры невелики (зачастую по причине навязанного извне отказа от культуры), и заинтересованность в отношениях с другими практически отсутствует [Солдатова].

Данная классификация основана на допущении, что недоминирующая группа может свободно выбирать свою стратегию аккультурации, в то время как в реальной жизни это далеко не всегда так. Несомненно, наиболее успешной является стратегия интеграции, однако она может быть успешно реализована недоминирующими группами исключительно при условии, что доминирующее общество открыто и стремится к культурному разнообразию.

Интеграция требует взаимной аккомодации, которая трактуется как признание обеими группами права каждой из них на существование в качестве отдельных народов. Данная стратегия требует, чтобы недоминирующие группы приняли базовые ценности большего общества, а доминирующая группа должна быть готова адаптировать свои государственные институты (например образование, здоровье, труд) к новым условиям так, чтобы они более соответствовали нуждам многоукладного общества.

Очевидно, что стратегия интеграции встречается только в социумах, которые уже являются разнородными, и в которых прослеживаются определенные психологические предпосылки, такие, как: широко распространенное стремление к культурному разнообразию в обществе (т.е. наличие положительной «разнородной идеологии»); относительно низкий уровень предрассудков (т.е. минимальное распространение национализма, расизма и дискриминации); позитивные взаимоотношения среди культурных групп (т.е. отсутствие межгрупповой вражды); ощущение всеми группами связи, или отождествления с доминирующим обществом.

В противном случае, депривация и изоляция представителей недоминирующего этноса, приобретает характер глубокой психологической травмы, крайним выражением которой является культурный шок. Проблема в том, что в случае со значительным большинством коренных миноритарных этносов, проживающих на территории современной России, конструктивного выхода из «U-образной кривой» социальной адаптации не находится, и целые народы живут в состоянии депривации и изоляции на протяжении нескольких поколений.

В результате возникает межэтническая напряженность и непонимание проблем друг друга как с одной, так и с другой стороны. Русский и шорский народы живут на одной территории около 400 лет, и тем не менее, их взаимодействие сложно назвать интегративным. Дети шорцев получают серьезную психологическую травму, связанную с их этнической принадлежностью в детстве, когда, приходя в детский коллектив, им дают понять, что они «другие, не такие, как все». Постоянное отвержение и указание на их отличия могут привести к депрессии, тяжелым неврозам и психозам. Противостояние продолжается и дальше – в школе и институте, когда становятся возможными такие ситуации, о которых вспоминает кандидат физико-математических наук Андрей Кочеев, алтаец, прекрасно владеющий русским и английским, горячо любимый студентами и коллегами доцент НГУ, начальник научно-исследовательской части университета, директор Центра новых информационных технологий: «Перед выпускными экзаменами нам с другом сказали в школе «Русский синтаксис вы не знаете, и никогда знать не будете, лучше перепашите сад — получите «четверку». Вот мы и пахали полторы недели, с утра до вечера.» Кандидат филологических наук Николай Уртегешев из Института филологии также рассказывает: «В школах Горной Шории порой не только литературы, но и электричества не бывает. Учитель один ведет все предметы, он же и русский преподает. А сдавать вступительные экзамены в университет ученикам такой школы, слабо знающим русский, приходится на общих основаниях. В вузах отношения с ровесниками не всегда складываются. То и дело звучит «Понаехали по льготам!». Даже в самой Шории коренной житель может услышать раздраженное «И откуда вы, шорцы, сюда понаехали» [Фролова].

Таким образом, отношения в обществе не способствуют «многомерности бытия» и диалогу, взаимодействию различных этнических культур. В дискриминированных группах накапливается напряжение, ожесточение, с другой стороны — ответная негативная реакция остальных групп населения, не понимающих вообще, чем вызвано какое-либо раздражение. Самобытность не принимается. Естественная оппозиция «Мы такие — они другие» заменяется антагонистической взрывоопасной оппозицией «Мы хорошие — они плохие».

С. Соколовский, осуществляя глубокий анализ понятия «коренной этнос», приходит к неутешительным выводам: «Вскрытая топология мышления о коренных народах остается неполной, однако все же позволяет реконструировать «портрет» этих народов, очевидно восходящий к архетипу «абсолютного Другого». Что значит быть абсолютно другим в клишированном сознании типичного жителя индустриального центра России? Это значит быть уроженцем и жителем периферии, сельским жителем, носителем другого (т. е. нерусского) языка, последователем иной (неправославной) веры, человеком с иными ценностями и образом жизни, представителем другой расы, культуры, нетипичной (не встречаемой в городах) профессии, малограмотным, с нетипичными для горожанина потребностями и запросами. Этот портрет полностью дихотомичен и выстроен из негативных терминов (терминах отсутствия).» [Соколовский]. Далее автор говорит о том, что с одной стороны, коренные народы изображаются как технически отсталые и полуграмотные, погрязшие в предрассудках и не способные на решение собственных проблем, а с другой стороны, несмотря на декларации о защите их прав, почти повсеместно продолжается политика их интеграции в глобальную индустриальную цивилизацию, выражающаяся в таких процессах как индустриализация и урбанизация коренного населения, разрушение тради-

ционной экономики и создание зависимости от государственных экономических режимов, массовая колонизация традиционных территорий их проживания представителями доминирующего общества, навязывание чуждых идеологий, верований, языков и культур и подавление их собственных исторических и культурных традиций, что иногда принимало форму открытых конфессиональных преследований и уничтожения национальной элиты [Соколовский].

В этой цитате отчетливо представлен культурный шок, как типичное явление современного многонационального общества. Тем не менее, нельзя утверждать, что культурный шок всегда носит только негативный характер. В некоторых случаях он может способствовать и положительным изменениям, например личностному росту индивидов, составляющих этническую группу, приобретению ими нового опыта, новых навыков. Именно на основании этого следует, по-видимому, выстраивать национальную политику в современной России – не столько ликвидировать негативные последствия неконструктивного межэтнического взаимодействия, приводящие к культурному шоку, сколько разрабатывать систему мер, которые позволили бы новым поколениям преодолеть ксенофобию и устранить дискриминацию. Для этого, на наш взгляд, следует включать в процесс обучения в школе и вузе просветительские и образовательные программы, направленные на развитие этнической толерантности, знание культуры соседствующих народов, формирование взаимного уважения и признания друг друга.

Список использованной литературы

- Кочетков, В. В.** Психология межкультурных различий [Текст]/В. В. Кочетков. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 416 с.
Солдатова, Г. У. Психологическая помощь мигрантам /Г. У. Солдатова : [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ethnopsychology.narod.ru/libr/S/soc-cult-dist.htm>.
Соколовский, С. Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке/С. Соколовский : [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sok.htm>.
Фролова, Г. Понаехали по льготам! / Г. Фролова : [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ug.ru/issue/?action=topic&toid=111>.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СТРАНЫ В КОНЦЕ 50-Х - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Гинзбург Б. Л.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Вторая половина 50-х годов XX века характеризуется в истории развития страны рядом реформ направленных на совершенствование системы управления народным хозяйством. В этот период промышленность СССР поднялась на качественно новую ступень. В ней насчитывалось около 300 отраслей и видов производства. Вместе с тем жесткая, централизованная система управления тормозила развитие промышленности. Качественные сдвиги в ее структуре потребовали изменения форм и методов руководства индустриальными отраслями.

В 1957 году был принят Закон о перестройке управления промышленностью и строительством. В соответствии с ним отменялась прежняя отраслевая система руководства, осуществляемая через министерства и ведомства. Основной организационной формой управления стали Советы народного хозяйства – совнархозы. В стране было создано 105 экономических районов на базе существующего административного деления. Все промышленные предприятия и стройки, расположенные на их территории, передавались в ведение местных совнархозов. Большая часть отраслевых министерств упразднялась [1]. Проводимая реформа внесла серьезные изменения в систему подготовки рабочих кадров для промышленных предприятий страны.

Подготовка рабочих кадров для промышленности страны была и остается темой пристального и активного изучения. В 50-90-е годы отечественными историками был создан ряд работ, посвященных истории становления и развития рабочего класса. Это – коллективная монография Рабочий класс СССР.1951-1965 гг.; работа Ф.Г.Кротова, Л.В. Фокина, О.И. Шкаратана; монография С.Л. Сенявского; Е.И. Ворожейкина, С.Л. Сенявского; В.С. Лельчука и Е.Э. Бейлиной; Ю.Г. Чуланова; И.П. Остапенко; С.Я. Батышева и других исследователей [2], содержащие богатый фактический материал и обобщения, не потерявшие своей актуальности спустя полвека.

В настоящей статье на основе новых (ранее неисследованных) документов Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО) рассматривается процесс реорганизации подготовки рабочих кадров для промышленных предприятий страны. Анализируется в данном контексте роль центральных и местных органов власти в процессе проведения реформы системы подготовки рабочих кадров.

Подготовка кадров в системе трудовых резервов сыграла огромную положительную роль в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

Однако в конце 50-х - первой половине 60-х годов на примере развития промышленности г. Горького ярко видно, что эта система подготовки кадров требовала реорганизации.

Промышленность города в шестой пятилетке развивалась не за счет строительства новых предприятий, не за счет массового набора рабочих, а за счет интенсификации производства, внедрения новой техники, роста